

**Historical experience of organization and activity
of Tomsk agricultural colony for minors**

Tatiana A. Kattsina^{1, 2}, Natalya V. Pashina³

^{a,b,c} Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Special consideration was given to the history of the formation and activities of the Tomsk agricultural colony for minors in the late period of the Russian Empire. The sources of financing, the number of the Society of Agricultural Colonies and Craft Shelters of Tomsk Province, which became the founder of the colony, were determined and analyzed. Innovative ideas and factors, significantly leveling the effectiveness of the charitable organization, are noted. Analysis of scientific and journalistic literature, archival documents allowed to conclude that, with the undisputed role of the financial component, the success of the shelter's work depended to a great extent on the personal ties of the founders, the skills and skills of the staff, the understanding of correctional education, and the proper organization of the pedagogical process. The obtained factual data contribute to the creation of a holistic view of the level of development of penitentiary institutions in prerevolutionary Russian society in general and the Siberian region in particular.

Keywords: minor offenders, corrective education, agricultural colonies, craft shelters.

1. Введение

В истории российского государства неоднократно менялся подход к решению проблемы детства, содержанию социальной и уголовной политики по отношению к подросткам, вступившим в конфликт с законом. Отмечается,

* Corresponding author.

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina)

что в развитии учения о воспитании несовершеннолетних большую роль сыграли международные пенитенциарные конгрессы 1840-х гг. (Беляева, 2012: 69), инициированные распространением в обществе новых взглядов на преступление и наказание, поиском альтернативы репрессивным методам воздействия на личность. Одновременно шло становление заведений для «нравственно-испорченных детей» (Дриль, 1905: 352), а в эпоху Великих реформ (1864–1870 гг.) – они развивались в качестве самостоятельного института заменяющих наказаний. Эти процессы повлияли на законодательство, индуцируя его изменения сначала в сторону закрепления, а позже – упорядочения и регулирования деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних. К началу XX в. Российская империя вышла на небольшой (22) количественный уровень земледельческих колоний и ремесленных приютов (Kattsina, 2017: 535), где несовершеннолетние содержались изолированно от взрослых, а тюремный режим заменялся воспитательным. Весомый вклад внесли Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, которые получили развитие с 1869 г. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что «система учреждений, направленных на исправление и перевоспитание заключенных, была создана с установлением советской власти в 20-е гг. XX в.» (Технологии, 2009: 249).

«Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» 1909 г. отразило тенденцию сужения репрессивных мер воздействия на детей и подростков. Оно аккумулировало основные позитивные начала, выработанные отечественной практикой и закрепленные в законах (1866, 1892, 1893, 1897, 1903 гг.) об исправительных заведениях и уголовных наказаниях, применяемых к несовершеннолетним. Учреждениям были расширены финансовые и налоговые льготы, разрешено принимать подследственных и подсудимых, а так же подростков, ведущих беспризорный или безнадзорный образ жизни, имеющих такие типичные проявления деструктивного поведения как бродяжничество и попрошайничество (ПСЗ, 1912). Таким образом, перед воспитательно-

исправительными заведениями был поставлен широкий круг профилактических и реабилитационных мероприятий, включающих нейтрализацию неблагоприятного социального воспитания, устранение прямого и косвенного аморального и криминального влияния на несовершеннолетнего осужденного, подследственного или подсудимого, формирование жизненных навыков. Несмотря на схожесть и однотипность решаемых задач, исправительные заведения для несовершеннолетних имели различия в организационном оформлении, в подходах и методах воспитательной работы. Её результат зависел как от финансовых и материальных ресурсов, так и от правильной организации педагогического процесса, способности персонала работать со специфическим контингентом.

В статье ставится задача аналитической реконструкции опыта организации и деятельности Томской земледельческой колонии для несовершеннолетних (колонии). В имперский период это было единственное воспитательно-исправительное заведение на обширной территории Западной Сибири, куда принимали мальчиков в возрасте до 15 лет, осужденных судебными установлениями Томской, Тобольской, Енисейской (до 1914 г.) губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей, а также привлеченных к следствию и суду правоохранительными органами г. Томска и Томского уезда. История отдельного учреждения, кажущаяся на первый взгляд незначительной, позволяет четче представить динамику его развития, выявить механизмы эффективности или ограниченности деятельности.

2. Материалы и методы

2.1. Для понимания основных направлений системы уголовных наказаний для несовершеннолетних, общего порядка функционирования воспитательно-исправительных заведений, использовались официальные правовые документы, в хронологическом порядке включенные во второе (1825–1881 гг.) и третье (1881–1913 г.) «Полное собрание законов Российской Империи». Источниками послужили делопроизводственные документы, депонированные в государственном архиве Красноярского края

(ф. 216 «Губернский комитет общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Енисейской губернии», ф. 595 «Енисейское губернское управление»). Анализировались отчеты Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов (Общество) за 1901–1916 гг., где печатались финансовые сметы, списки и характеристики воспитанников, распорядок внутренней жизни колонии, состояние системы воспитания и исправления, положение школьного дела и другие вопросы.

2.2.

Анализ источников и исследовательской литературы проведен с учетом основных принципов научного исторического познания: объективности (опыт колонии рассматривается в разнообразии и противоречивости, в совокупности положительных и негативных проявлений) и историзма (факты и события изучаются в соответствии с конкретно-историческими обстоятельствами, во взаимосвязи и взаимообусловленности). Решению исследовательской задачи способствовало сочетание общенаучных и конкретно-исторических методов. Сравнительный метод позволил выявить сходства и различия изучаемого объекта с аналогичными учреждениями в рамках одного исторического процесса, синхронный – рассмотреть практики социального контроля как организованного ответа на делинкветное поведение несовершеннолетних одновременно с другими явлениями общественной жизни, статистический – провести анализ количественных показателей источников финансирования земледельческой колонии.

3. Обсуждение

Переосмыслению фактов ювенальной юстиции имперской России, уже освоенных дореволюционной и советской историографией, посвящен ряд небольших по объему, но ценных по содержанию монографий (Беляева, 1995; Тебиев, Коркищенко 2005 и др.), где дан анализ нормативных актов, на основании которых действовала система уголовных наказаний для несовершеннолетних, функционировали исправительные заведения. При оценке профилактики правонарушений несовершеннолетних в Российской

империи во внимание принимается отсутствие (Mill, 2010: 214; Беляева, 2015: 173) единого подхода к организации работы, малое число воспитательных заведений, наличие в них некоторых элементов исправительных учреждений, недостаток материальных средств. Тенденцией XXI в. стали научные статьи, где различные аспекты деятельности отдельных воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних сопряжены с большим разнообразием в пространственном отношении (Лаврентьев 2010; Синова 2012; Ковтуненко 2014; и др.), в том числе, Сибири (Михиенков, 2012; Kattsina, 2017; Kattsina et al., 2017). Тем не менее, в сибиреведении эту тему нельзя отнести к числу досконально разработанных.

4. Результаты

Открытие Томской исправительной колонии для несовершеннолетних и малолетних преступников в источниках (Отчет, 1904: 2) датируется 20 ноября 1902 г. Этому событию предшествовала большая подготовительная работа Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов (Общество), организованного в начале апреля 1895 г. Общество и провозглашало целью создание земледельческих колоний и ремесленных приютов для «содействия улучшения участи несовершеннолетних лиц обоего пола в возрасте от 10 до 17 лет, присуждённых к отдаче в исправительные заведения» (Чирков, 1905: 56). Значительную роль в организации самого Общества сыграла личная инициатива высокопоставленных чиновников: томского губернского прокурора А.В. Витте и губернатора Г.А. Тобизена. Их стараниями уже в ноябре 1895 г. был разработан Устав Общества, а в феврале 1896 г. состоялось первое организационное собрание. В Общество вступил почти весь личный состав судебного и тюремного ведомств, некоторые чины администрации и члены городского самоуправления (Д. 1897: 232). Благодаря личным связям учредителей, идея организации земледельческой колонии нашла поддержку не только среди представителей местной судебно-пенитенциарной системы, но и у прокурора Красноярского окружного суда, коллежского советника Д.В. Малинина. Он и ещё шесть

служащих по Министерству юстиции в Енисейской губернии записались в Общество (1898 г.) с уплатой вступительного взноса (ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1845. Л. 2–2об., 9–10). Для здания приюта император Николай II выделил из собственных средств 10 280 бревен на сумму 4 440 руб. (Д., 1897: 233).

Члены Общества градировались по величине денежного или трудового участия: почетные, действительные, соревнователи, непременные. В почетные члены зачислялись лица, единовременно пожертвовавшие в казну Общества не менее 500 руб. или обязавшиеся вносить ежегодно 100 руб. в течение десяти лет. Для действительных членов Общества ежегодный взнос был установлен в размере не менее 5 руб., членов-соревнователей – 20 руб. единовременно или 2 руб. ежегодно. От ежегодных членских взносов освобождались лица, содействующие обществу личным трудом, например, по приисканию выпускникам приюта работы и жилья (Устав, 1896: 2-3; ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 16).

На протяжении XX в. отмечено (Отчёт, 1902: 19; Отчёт, 1904: 19; Отчёт 1912, 10; Отчёт, 1915: 11) снижение численного состава Общества:

Статус члена общества	1901 г.	1902 г.	1909 г.	1914 г.
Почётный	11	15	15	11
Пожизненный действительный	47	49	49	28
Пожизненный член-соревнователь	12	14	16	13
Действительный	104	93	20	33
Член-соревнователь	28	15	-	-

Текущими делами Общества управлял специально созданный Комитет из шести человек, избранных общим собранием из членской массы. «По должности» в его состав входили: председатель томского окружного суда, губернский прокурор, тюремный инспектор, духовное лицо, назначенное епархиальным архиереем (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 18). Комитет устанавливал штат сотрудников колонии, заботился о привлечении средств на её содержание через воззвания и статьи в местных газетах, рассылку писем и книжек для сбора пожертвований в различные инстанции, составлял таблицу расходования продовольствия, одежды, белья, обуви, утвари и других

необходимых для воспитанников приюта вещей, назначал попечителя приюта, который возглавлял наблюдательную комиссию, ревизировавшую исправительное заведение и его финансовые документы. Деятельность колонии находилась под наблюдением правоохранительных и исполнительных органов государственной власти. Министр юстиции, начальник главного тюремного управления и губернатор лично или через командируемых лиц, как и губернский тюремный инспектор в любое время имели право прибыть в приют с проверкой и требовать устранения замеченных в нём недостатков или отменить распоряжения, принятые директором. Общественный контроль за деятельностью учреждения осуществлялся как уплатившими ежегодные взносы членами Общества, так и посторонними лицами по представлению попечителя.

Непосредственное управление колонией осуществлял директор, в обязанности которого вменялось организация и контроль за учебно-воспитательным процессом, заведование имуществом приюта, в том числе денежными средствами, выделяемыми Комитетом на текущие расходы, управление педагогическим и вспомогательным персоналом, ведение хозяйства, составление отчётности Комитету. Педагогический совет в составе священника, врача, учителей и воспитателей и одного представителя от Общества, выполнял роль совещательного органа при директоре по вопросам воспитания и обучения. Решения на заседаниях совета принимались большинством голосов. При условии равного голосования окончательный вердикт выносился председателем. Также право решающего голоса предоставлялось попечителю и членам наблюдательной комиссии в случае их присутствия на заседании. Численный состав сотрудников колонии формировался по количеству воспитанников, и в качественном выражении включал в себя директора, учителя, мастеров, воспитателей-надзирателей, дворовых работников, кухарки и прачки (Отчёт, 1912: 4). Священник и врач, являясь членами-соревнователями Общества, оказывали свои услуги безвозмездно, в связи с чем, освобождались от денежных взносов.

Контингент воспитанников колонии формировался из и беспризорников, уличённых в попрошайничестве и бродяжничестве и малолетних правонарушителей, для которых суд мерой пресечения определил нахождение в приюте. Реже правоохранительные органы направляли сюда подследственных. С 1903 г. решением Комитета в колонию стали зачислять «мальчиков неодобрительного поведения в возрасте от 10 до 15 лет» по заявлению их родителей и опекунов, не имевших возможности самостоятельно справиться с воспитанием своих детей. Месячная плата с родителей за содержание в школе их нравственно-испорченных отпрысков устанавливалась в размере 15 руб. за полное содержание и 12 руб. 50 коп. при собственном белье, одежде и обуви. Зачисление в колонию производилось после оплаты родителями не менее двух месяцев проживания в исправительном учреждении и предоставления единовременного залога размером в 25 руб. на случай порчи общественного имущества. Приём новых воспитанников осуществлялся в течение всего года, при условии наличия вакансий. В виду трудового уклона деятельности исправительного заведения Комитет отказывал в зачислении лицам, при обнаружении у них психоневрологических, инфекционных заболеваний и слабоумия.

Зачисленные в колонию воспитанники распределялись по отделениям (семьям), каждая из которых находилась в ведении отдельного воспитателя, проживавшего совместно со своими подопечными. Обучение и быт воспитанников разного пола в приюте организовывались отдельно. К тому же отдельно от других содержались, воспитанники младшего возраста и подростки, наиболее трудные в воспитательном отношении, требующие особо тщательного и строгого надзора. Последние помещались в специальное отделение (семью), находящееся в заведовании более опытного воспитателя. Бытом воспитанниц и младшей семьи воспитанников заведовали воспитательницы. На время пребывания в приюте подростки не изолировались от внешнего мира. Вместе с персоналом колонии они посещали церковь, участвовали в праздничных городских гуляниях, а также

самостоятельно выезжали в город по поручению администрации. Руководство исправительного учреждения не препятствовало встречам воспитанников с ближайшим окружением в выходные и праздничные дни.

При поступлении в приют и в дальнейшем периодически фельдшер проводил медицинское освидетельствование каждого воспитанника, измеряя его рост, вес и объем грудной клетки. Результаты обследований фиксировались в санитарных листках, куда также вносились сведения обо всех болезнях, перенесенных подростками во время пребывания в приюте. Кроме сведений о здоровье личные дела воспитанников также содержали информацию о семейном положении, материальных условиях его прежней жизни и причине направления в исправительное учреждение. К делу прилагалась и особая кондуитная тетрадь, где воспитатели делали записи о поведении каждого подопечного во время работы или занятий, вносили отметки о наградах и взысканиях, наложенных директором или педагогом.

Вне зависимости от пола и возраста подростки принимали участие во всех работах по дому, включая стирку, уборку помещения, помощь по кухне. Хотя согласно уставу будни в приюте не должны были серьёзно отличаться от жизни среднего по достатку крестьянина, организация воспитательного процесса строилась таким образом, чтобы работа по хозяйству и занятия в мастерских не наносили ущерб образовательному процессу. Трудовое воспитание и обучение занимали в распорядке дня воспитанников колонии равное количество времени (около пяти часов каждое), два часа в день отводилось на отдых и игры. Излюбленным развлечением воспитанников в праздничные дни становилось посещение кинематографа, проигрывание граммофонных пластинок, организация совместных вечеров, с чтением стихов и театральными зарисовками, пением и танцами. Летом в свободное от занятий время подростки под присмотром воспитателей совершали прогулки в лес, купались в реке, играли в городки. Зимой во дворе колонии сооружалась снежная горка и заливался каток (Отчёт 1915: 22). Ремесленное обучение имело целью освоение воспитанниками наиболее востребованных

кустарных ремёсел и промыслов (столярное и портняжное дело, сапожное и кожевенное ремесло, обработка льна, плетение корзин). Для занятия ремеслом в Колонии были оборудованы две мастерских – портняжная и столярная. Если первая обслуживала исключительно нужды самой колонии, то вторая принимала частные заказы на изготовление мебели и другие работы, коих только в 1914 г. было выполнено на сумму 375 руб. (Отчёт, 1915: 32). Под руководством работников колонии все воспитанники на практике постигали основные виды сельскохозяйственных работ (огородничество, садоводство и пчеловодство, птицеводство и молочное животноводство). В 1909 г. подсобное хозяйство исправительного учреждения располагало пасекой, огородом, молочной фермой, лесными и сенокосными угодьями. В 1914 г. силами воспитанников было возделано 1,75 десятины ржи, 4 десятины овса, 1 десятину пшеницы, осуществлялся уход за 5 лошадьми и 22 головами крупного и мелкого скота (Отчёт, 1915: 32).

Продовольствие воспитанникам выдавалось по табели, выработанной Комитетом при участии врачей-экспертов, из ежедневного расчета – 20 коп. на одного подростка. В будни среднесуточный рацион включал в себя $\frac{3}{4}$ фунта мяса, 77 золотников пшеничной и 100 золотников ржаной муки, 60 золотников крупы, 2 фунта картофеля, 6 золотников масла или сала, 4 золотника сахара, $\frac{4}{5}$ золотника чая, 1 стакан молока, а также картофельную муку, солод, овощи и зелень и дикоросы. Эти продукты расходовались на приготовление каши или запеченного картофеля на завтрак, первого и второго блюда на обед и холодных закусок на ужин. Подросткам, нуждающимся в усиленном диетическом питании, а также в праздничные дни и по высокаторжественным случаям питание выдавалось по особой табели и расписанию. На Рождество все получали конфеты с пряниками и орехи. (Отчёт, 1915: 22; Отчёт, 1912: 18).

Система наказаний и поощрений в приюте строилась на основе принципов ювенальной юстиции, отказавшейся от восприятия малолетних преступников как объект репрессии, и нацеленной на социализацию ребёнка

и его реабилитацию. В связи с чем, наказания дифференцировались в зависимости от возраста воспитанника, тяжести проступка, обстоятельств и периодичности его совершения. К младшим нарушителям режима применялись такие меры педагогического воздействия как выговор наедине или в присутствии семьи, работа отдельно от товарищей и отлучение от совместных игр. Они не причиняли серьёзного вреда психическому и физическому состоянию подростка, а потому налагались воспитателем, реже директором, непосредственно в момент нарушения дисциплины.

Решение о применении более строгих мер воздействия принимал директор. За грубое нарушение режима воспитанники подвергались публичному выговору, назначению на внеочередное дежурство, лишению порции белого хлеба и права участия в совместных развлечениях в праздничные дни (например, в прогулках), запрету на переписку и свидание с родственниками на срок до одного месяца, суточному пребыванию в карцере (в качестве которого использовалось светлое помещение с решетками и запорами). Только коллегиально по итогу заседания педагогического совета к завзятым нарушителям режима применялись такие меры взыскания как ограничение права распоряжаться собственным заработком, лишение отличий и льгот, полученных за прилежание и успехи в труде, недельное пребывание в карцере, перевод в низший разряд по поведению и зачисление в семью «трудновоспитуемых», члены которой часть срока содержания в карцере могли проводить на хлебе и воде ([Отчёт 1912: 10](#)). Рост контингента воспитанников увеличивал нагрузку на надзирателей, и вместе с тем повышал количество нарушений и степень их тяжести. Система поощрения также строилась на принципах ювенальной юстиции и включала поручение подростками ответственных заданий внутри и за пределами приюта и оказание им иных видов доверия. Практиковалась и материальное поощрение вещами или деньгами (от 5 до 25 коп.), которые частично выдавались на руки, а частично вносились на хранение в сберегательный фонд на имя воспитанника. Несовершеннолетние воспитанники в виде поощрения могли

получить трёхдневный отпуск, без учёта повёрстного срока, для посещения родных, доказавших свою нравственную благонадежность руководству.

Срок пребывания в колонии определялся педагогическим составом, который не мог составлять менее одного года и продолжаться дольше наступления предельного возраста (18 лет), по достижению которого воспитанник отчислялся из приюта распоряжением директора. Освобождение из приюта несовершеннолетних производилось по представлению педагогическим советом в Комитет сметы расходования денежных средств, необходимых для обустройства выпускника за пределами исправительного учреждения. При выпуске все воспитанники получали костюм, инструменты, для занятия избранным ремеслом и денежное пособие из сберегательного фонда, созданного за счёт отчислений от его доходов за весь период обучения. Несовершеннолетних воспитанников, по окончании их пребывания в колонии, Комитет мог определить для дальнейшего обучения ремеслу, на работу в промышленные предприятия или на сельскохозяйственные работы. (Отчёт, 1912: 10).

В течение трёх лет по освобождению выпускники находились под покровительством исправительного заведения, при этом ответственность за их обустройство на свободе персонифицировалась. Для чего за полгода до планируемого освобождения из колонии каждому из воспитанников Комитет назначал патрона из числа членов Общества или посторонних лиц, изъявивших на то желание. В обязанности последнего входило оказание помощи подопечным в трудоустройстве, поиске жилья и решении текущих бытовых вопросов. Для контроля расходования пособия, назначенного воспитаннику по освобождению из колонии, оно в определённой доле передавалось патрону при условии дальнейшей передачи его подопечному по частям. В течение трёх лет патрон наблюдал за образом жизни подопечного, о чём отчитывался Комитету не реже двух раз в год. Несовершеннолетние воспитанники, вышедшие из приюта и вернувшиеся к прежнему антисоциальному образу жизни, решением Комитета вновь зачисляли в

исправительное заведение. Возврат к аморальному поведению выпускников старше 18 лет, напротив, грозил им досрочным лишением покровительства Общества. Несмотря на общую проработку в учредительных документах постинтернатное сопровождение выпускников оказалось наиболее уязвимым местом во всей организации перевоспитания. Со многими лицами, покинувшими колонию, связь быстро утрачивалась. Так, из находившихся в исправительном заведении в течение 1914 г. 28 воспитанников 20 подростков покинули его, из их числа судьба 11 осталась неизвестной. (Отчёт, 1915: 14)

Относительно безбедное существование колонии, особенно на начальном этапе её деятельности, обеспечивалось преимущественно денежными взносами и единовременными пожертвованиями членов общества и сторонних благотворителей. Так по завещанию бийского купца второй гильдии А.В. Соколова в пользу общества поступило 10 тыс. руб. Уже в марте 1897 г. капитал общества составил 21 204 руб. 31 коп. (Путеводитель, 1898: 56–57). Государственное финансирование колонии выражалось в ежегодных платежах попечительных комитетов о тюрьмах в размере 2 тыс. руб., направлявшихся на питание и обмундирование подростков (Отчёт, 1904: 3), а также затратах казны на выделение земельного участка и постройку жилых помещений исправительного учреждения. Трудовая деятельность воспитанников также приносила доход. Продукты, получаемые от подсобного хозяйства (овощи, молоко, фураж), не только полностью покрывали потребности колонии, но и поставлялись на рынок. (Д., 1897: 233). Но самокупаемым исправительное учреждение стать не смогло. Основной причиной стала серия пожаров (1904, 1906, 1913 гг.) (Михеньков, 2012: 61; Отчёт, 1912: 3; Чавыкин, 1911: 144), каждый из которых почти полностью уничтожал его имущество, приводил к смене педагогического состава и приостановке деятельности учреждения, на время которой воспитанники возвращались в свои семьи или передавались судебным органам. Восстановление работы колонии приводило к значительным временным и материальным затратам, отвлекавшимся от основной

деятельности. Но главной потерей Общества стало сокращение числа благотворителей, причины которого видятся в отсутствие видимых результатов исправительной работы и утрата «чувства новизны» дела, особенно проявившееся у городского обывателя, составляющего основную массу действительных членов и членов-соревнователей.

Заключение

Значительную роль в организации Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних преступников и «морально-испорченных» подростков в г. Томске имела инициатива «сверху», что нашло отражение в полубюрократическом составе его членов и значительной финансовой помощи из государственной казны. Личный авторитет и высокая пропагандистская активность помогли учредителям исправительного заведения нового типа заручиться доверием общественности и наладить сотрудничество с властями. Несмотря на отсутствие проблем с финансированием период между созданием Общества и открытием колонии в г. Томске занял 8 лет. Оценивая вклад Общества в профилактике правонарушений несовершеннолетних в целом как необходимый и положительный, отметим, что реализовать свои амбициозные планы, как-то: открыть сеть исправительно-воспитательных заведений, ему не удалось. Содержание многокомплектных заведений оказалось для Общества слишком обременительным, поэтому среднесписочный состав воспитанников колонии варьировался от 15 до 30 человек (но не разу даже не приблизился к заявленным 100). По этой же причине не удалось организовать одновременное пребывание в колонии несовершеннолетних мужского и женского пола, как и обеспечить надлежащее постинтернатное сопровождение выпускников. Забота о малолетних преступниках быстро утратила живой отклик в среде городского обывателя, что в итоге привело к сокращению денежных поступлений от пожертвований и негативно сказалось на деятельности благотворительной организации.

Литература

Беляева, 1995 – *Беляева Л.И.* Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995. 100 с.

Беляева, 2012 – *Беляева Л.И.* Международные пенитенциарные конгрессы и развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 17. С. 69–81.

Беляева, 2015 – *Беляева Л.И.* Отечественный опыт предупреждения правонарушений несовершеннолетних (середина XIX – начало XX вв.) // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правопримирения и перспективы совершенствования: материалы всероссийского круглого стола. Вып. 6. Иркутск, 2015. С. 173-177.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Д., 1897 – *Д. Д.* Томское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов // Журнал Министерства Юстиции. 1897. № 6. С. 231-233.

Дриль 1905 – *Дриль А.Д.* Постановка исправительного воспитания в России // Тюремный вестник. 1905. № 5. С. 350-358.

Ковтуненко, 2014 – *Ковтуненко Л.В.* История становления и развития воспитательных учреждений для несовершеннолетних в России // Инновационный вестник регион. 2014. № 4. С. 83-88.

Лаврентьев, 2010 – *Лаврентьев М.В.* Саратовский исправительный приют имени М.Н. Галкина-Враского (1873–1917 гг.) // История государства и права. 2010. № 12. С. 35-38.

Михиенков, 2012 – *Михиенков Е.Г.* Помощь общественных объединений Томской губернии осужденным, освобожденным из мест лишения свободы в период с 1905 по 1917 гг. // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: научно-публицистический альманах. Рязань, 2012. Вып. 6. С. 59-65.

Отчет, 1902 – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1901 г. Томск, 1902. 22 с.

Отчет, 1904 – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1902 г. Томск, 1904. 20 с.

Отчет, 1912 – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1909 г. Томск, 1912. 28 с.

Отчет, 1915 – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [за 1914 г.]. Томск, 1915. 36 с.

ПСЗ, 1912 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. СПб., 1912. № 31727. С. 261-266.

Синова, 2014 – Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблема социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб., 2014. 287 с.

Тебиев, Коркищенко, 2005 – Тебиев Б.К., Коркищенко О.А. Государство, общество и «трудные дети» в досоветской России : государственная мысль, социальная политика и общественно-благотворительная деятельность по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних в России XVIII – начала XX века; Москва: МПА-Пресс, 2005. 139 с.

Технологии 2009 – Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: учебное пособие . М., 2009. 379 с.

Устав, 1896 г. – Устав Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Томск, 1896. 22 с.

Чавыкин, 1911 – Чавыкин Г. В. Весь Томск на 1911-1912 гг. : адресно-справочная книжка. Томск, 1911. 369 с.

Чирков, 1905 – Чирков Н. С. Путеводитель по г. Томску и его окрестностям. Томск, 1905. 156 с.

Kattsina, 2017 – Kattsina, T.A. Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations. Bylye Gody. 2017. Vol. 44. Is. 2. pp. 533-541.

Kattsina et al, 2017 – Kattsina, T.A., Vysotskaya, N.V., Cherkashina, E.Y., Potapova, E.V. Educational Correctional Institutions for Minors in Provinces of

Eastern Siberia of the end of XIX – the beginnings of the XXth centuries: Plan and Result. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45 Is. 3. pp. 995–1002.

[Mill, 2010](#) – *Mill T.* Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main: Victorio Klostermann, 2010. XI, 395 s.

Referenses

[Belyaeva, 1995](#) – *Belyaeva L.I.* Stanovlenie i razvitie ispravitel'nykh zavedenii dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei v Rossii (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The formation and development of correctional institutions for minor offenders in Russia (the middle of XIX – early XX centuries)]. M., 1995. 100 p. [In Russian]

[Belyaeva, 2012](#) – *Belyaeva L.I.* Mezhdunarodnye penitentsiarnye kongressy i razvitie ucheniya o vospitanii nesovershennoletnikh pravonarushitelei [International penitentiary congresses and the development of the doctrine of the education of juvenile offenders] // *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 2012. № 17. P. 69–81. [In Russian]

[Belyaeva, 2015](#) – *Belyaeva L.I.* Otechestvennyy opyt preduprezhdeniya pravonarusheniy nesovershennoletnikh (seredina XIX – nachalo XX vv.) [Domestic experience of the prevention of offenses of minors (the middle of XIX – the beginning of the 20th centuries)]. *Ugolovnyy zakon Rossiyskoy Federatsii: problemy pravoprimireniya i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy vserossiyskogo kruglogo stola*. Vyp.6. Irkutsk, 2015. pp. 173-177. [In Russian]

[D., 1897](#) – *D. D.* Tomskoe obshchestvo zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov [Tomsk Society of Agricultural Colonies and Craft Shelters]. *Magazine of the Ministry of Justice*. 1897. № 6. pp. 231-233. [In Russian]

[Dril', 1905](#) – *Dril' A.D.* Postanovka ispravitel'nogo vospitaniya v Rossii [Statement of correctional education in Russia]. *Prison vestnik*. 1905. № 5. pp. 350-358. [In Russian]

[GAKK](#) – State archive of Krasnoyarsk Krai

[Kattsina, 2017](#) – *Kattsina, T.A.* Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. pp. 533-541.

[Kattsina et al, 2017](#) – *Kattsina, T.A., Vysotskaya, N.V., Cherkashina, E.Y., Potapova, E.V.* Educational Correctional Institutions for Minors in Provinces of Eastern Siberia of the end of XIX – the beginnings of the XXth centuries: Plan and Result. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45 Is. 3. pp. 995–1002.

[Kovtunenکو, 2014](#) – *Kovtunenکو L.V.* Istoriya stanovleniya i razvitiya vospitatel'nykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh v Rossii [History of formation and development of educational institutions for minors in Russia]. *Innovative messenger region*. 2014. № 4. pp. 83-88. [In Russian]

[Lavrent'ev, 2010](#) – *Lavrent'ev M.V.* Saratovskiy ispravitel'nyy priyut imeni M.N. Galkina-Vraskogo (1873–1917 gg.) [The Saratov corrective shelter of M. N. Galkin-Vrasky (1873–1917)]. *History of State and Law*. 2010. № 12. pp. 35-38. [In Russian]

[Mikhienkov, 2012](#) – *Mikhienkov E.G.* Pomoshch' obshchestvennykh ob"edineniy Tomskoi gubernii osvobodennym, osvoboždennym iz mest lisheniya svobody v period s 1905 po 1917 gg. [Assistance of public associations in the province of Tomsk convicted persons, released from places of deprivation of liberty in the period from 1905 to 1917]. *Humanities-penitentiary vestnik: scientific and journalistic almanac. Ryazan'*, 2012. Vyp. 6. pp. 59-65. [In Russian]

[Mill, 2010](#) – *Mill T.* Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main: Victorio Klostermann, 2010. XI, 395 s.

[Otchet, 1902](#) – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1901 g. [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1901] Tomsk, 1902. 22 p. [In Russian]

[Otchet, 1904](#) – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1902 g. [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1902] Tomsk, 1904. 20 p. [In Russian]

[Otchet, 1912](#) – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1909 g. [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1909] Tomsk, 1912. 28 p. [In Russian]

[Otchet, 1915](#) – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov [za 1914 g.] [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1914]. Tomsk, 1915. 36 p. [In Russian]

[PSZ, 1912](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e [Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. XXIX. SPb., 1912. № 31727. pp. 261-266. [In Russian]

[Sinova, 2014](#) – Sinova I.V. Deti v gorodskom rossiiskom sotsiуме vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: problema sotsializatsii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniya [Children in urban russian socium in the second half of XIX – early XX centuries: the problem of socialization, deviance and abuse]. SPb., 2014. 287 p. [In Russian]

[Ustav, 1896 g.](#) – Ustav Tomskogo Obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov [Charter of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters]. Tomsk, 1896. 22 p. [In Russian]

[Tebiev, Korkishchenko, 2005](#) – *Tebiev B.K., Korkishchenko O.A.* Gosudarstvo, obshchestvo i «trudnye deti» v dosovetskoy Rossii: gosudarstvenno-pravovaya mysl', sotsial'naya politika i obshchestvenno-blagotvoritel'naya deyatel'nost' po preduprezhdeniyu prestupnosti i beznadzornosti nesovershennoletnikh v Rossii XVIII – nachala XX veka [The state, society and "difficult children" in pre-Soviet Russia: a state and legal thought, social policy and public charity on crime prevention and neglect of minors in Russia XVIII – the beginnings of the XX century]. M., 2005. 139 p. [In Russian]

[Tehnologii 2009](#) – Tehnologii social'noj raboty v razlichnykh sferakh zhiznedejatel'nosti [Technologies of social work in various spheres of life]: uchebnoe posobie. M., 2009. 379 p. [In Russian]

[Chavykin, 1911](#) – Chavykin G.V. Ves' Tomsk na 1911-1912 gg. [The all Tomsk for 1911-1912] : adresno-spravochnaja knizhka. Tomsk, 1911. 369 p. [In Russian]

[Chirkov, 1905](#) – Chirkov N. S. Putevoditel' po g. Tomsku i ego okrestnostjam [Guide to Tomsk and its environs]. Tomsk, 1905. 156 p. [In Russian]

UDC УДК 94:364-78(571.1/.5) «18/19»

Исторический опыт организации и деятельности Томской земледельческой колонии для несовершеннолетних

Татьяна Анатольевна Катцина, Наталья Васильевна Пашина
Сибирский федеральный университет, Российская Федерация.

Специальному рассмотрению подвергнута история становления и деятельности Томской земледельческой колонии для несовершеннолетних в поздний период Российской империи. Определены и проанализированы источники финансирования, численный состав Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов Томской губернии, которое выступило учредителем колонии. Отмечены новаторские идеи и факторы, значительно нивелирующие эффективность деятельности благотворительной организации. Анализ научной и публицистической литературы, архивных документов позволил заключить, что при весомой роли финансовой составляющей, успех работы приюта во многом зависел от личных связей учредителей, умений и навыков персонала, понимания им задач исправительного воспитания, правильной организации педагогического процесса. Полученные данные вносят вклад в целостное представление об уровне развития пенитенциарных учреждений дореволюционного российского общества в целом и сибирского региона в частности.

Keywords: несовершеннолетние правонарушители, исправительное воспитание, земледельческие колонии, ремесленные приюты.

[Путеводитель, 1898](#) – Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Год третий / [сост.] В. А. Долгоруков. Томск, 1898. 569 с.

[Putevoditel', 1898](#) – Putevoditel' po vsey Sibiri i Sredne-Aziatskim vladeniyam Rossii [All Siberia guide and Average and Asian possession of Russia]. God tretiy / [sost.] V. A. Dolgorukov. Tomsk, 1898. 569 p. [In Russian]